

Istvan

Kirjoittanut: Anita Tiikasalo

Eräänä syysaamuna kolmanteen luokkaan tuli uusi oppilas.

- Istvan, esittelin hänet tunnin alussa luokkatovereille. Osa oppilaista istui, luulivat, että olin sanonut "istukaa!". Huomattuaan sitten tulokkaan alkoivat tarkastella tätä kuin outoa lintua eläintarhassa, tytöt ilmeisen ihastuneina, pojat mykistyneinä.

Istvan seiso sinisten ja harmaitten silmäparien valaisemalla tuijotuksen näyttämöllä ja näytti siltä kuin olikin: puhdasrotuiselta madjaarilta. Profiili muistutti kreikkalaista jumalankuvaa, iho hohti kuin vuolukerma, silmät toivat mieleen Fazerin tumman suklaan.

Suomalaispojat olivat juosseet välitunnilla koulun keskeneräisellä pihalla yli kivien ja kantojen. Heidän tennistossunsa olivat savessa, farkut liian isoja tai kiristivät riippuen housujen lästä; puseroista voi päätellä, että äiti oli lähtenyt töihin ennen kuin poika kouluun. Heidän tukkansakin näytti kasvavan eri suuntiin.

Istvanin paksu, musta tukka kiilsi. Hänellä oli nahkakengät ja puserona kuvioneule. Merkkifarkut olivat kuin muotisivuilta leikatut. Hänen silmänsä loistivat hellyttävän lämpöisinä. Selvästikin hän halusi tutustua.

- Liikuntatunnilla mennäänkin metsään kiertämään pururata, kun salin lattiaa lakataan, minä ilmoitin, - ottakaa, pojat, Istvan kaveriksi, ettei hän eksy.

Metsä alkoi heti koulupihan takaa, ja pururata oli raivattu sen keskelle. Lähdin vetämään tyttöjen letkaa ja pojat seurasivat jälkijoukkona. Tytöt ehtivät perillekin ensin. Saimme hetken odotella, kunnes ensimmäiset pojat ilmestyivät näkyviin, äänekkäimmät etunenässä. Posket punoittivat, silmissä loisti ilkkurisuus, viipymisen syytä selvitettiin: oli kierretty ison kallion yli, kaatopaikalle saakka.

Istvan tuli viimeisenä. Lopulta hänkin seiso edessäni. Silmistä loisti kauhu ja pettymys, ja hän sai puserretuksi kaksi sanaa suomeksi:

- Ota pois!

Kauniit kengät olivat ryvettyneet. Hänen neulepuseronsa ja housut olivat täynnä takiaisia. Suomalaiset luokkatoverit olivat "ottaneet kontaktia".

Tapaus ei lannistanut madjaarin luontoa, mutta seuraavat päivät hän pysytteli tiiviisti vierelläni, kun olin välitunnilla valvojana. "Turrpa kii!" huomautti Istvan ystävällisellä äänellä tyttölaumalle, joka tungeksi meluten ympärillä. Hän halusi seurustella rauhallisesti.

Istvan oli asunut vasta kolme kuukautta uudessa kotimaassaan, mutta oli kielellisesti harvinaisen lahjakas. Lukiopetukseen hän lähti mielellään, olihan se yksityisopetusta, ja siellä hän sai osakseen kaipaamaansa huomiota.

Eräällä lukitunnilla käsiteltiin sanat LIMPPU, LAMPPU JA LUMPPU. Istvanin ilme kirkastui:

- Minun äiti tuntee yks lumppu, tiesi hän. Lukiopettaja selitti, että lumppu on vanha, kulunut vaatekappale, jolloin Istvan totesi kiinnostuneena:

- Ai, sitäkö...

Istvanin äiti toimi kongressihotellin yökerhossa tarjoilijana ja oli yhtä värikäs persoona kuin poikansa. Hän halusi vapauttaa Istvanin uskonnon opetuksesta. Kysyin, lähetätkö pojan kotiin niiksi viikkotunneiksi, kun he asuivat aivan koulun naapurissa. Äiti kauhistui: "Ei, ei, minä yötyössä, haluta nukkua päivällä. Pistä hänet yhte luoka nurkka sillä aika, anta joku Aku Ankka -kirja värittä..."

Temperamentti oli kummallakin yhtä räiskyvä. Äiti repi vihastuksissaan matematiikan kirjasta sivun irti, kun ei osannut neuvoa poikaansa sanallisissa tehtävissä. Poika taas puristi kouluruokailussa raivoisesti tyhjää sinappiputkiloa saadakseen lisämakua hernekeittoonsa ja puhisi: "Schinappi! Tule ulosch!!"

Alun ihastus laimeni pian luokkatoverien keskuudessa. Istvan oli sekä hurmaava että harmittavainen ja vaati ja sai enemmän huomiota kuin kaikki muut yhteensä. Kukapa sellaista kesti ja sieti. Luokan soppaan kertyi mausteita - paprikaa? - enemmän kuin tarpeeksi. Mutta koskaan ei ollut yksitoikkoista.

Viidennellä luokalla Istvan jo kirjoitti virheettömästi suomea ja hänellä oli luokan kaunein käsiala. Keväällä oli meidän luokkamme vuoro järjestää kalevalajuhla koko koululle. Istvan suostui lopulta toimimaan koko ohjelman juontajana. Hän puhui kaunista suomen kieltä vain hiukan vieraasti korostaen. Kun toiset esittivät säkeitä kansalliseepoksestamme, luki Istvan sujuvasti vastaavat rivit unkariksi käännetystä Kalevalasta. Tämä uskaltaminen ja onnistuminen nosti murrosikäisen nuoren itsetuntoa ja hänen arvonsa nousi myös toisten silmissä.

Mutta aivan suomalaista madjaarista ei koskaan tullut. Keväällä äiti ilmoitti, että hän oli saanut tarjoilijan paikan Tukholmasta. Istvanin suomalainen isäpuoli ajoi rekkaa Pohjoismaissa. Ruotsi oli sopivasti keskivälillä. He voisivat tavata useammin.

Kerran syksyllä poika pyrähti vielä tapaamaan entisiä luokkatovereitaan kouluumme. Hän oli aivan entisensä. "Mikä sinusta tulee siellä Ruotsissa?" kysyin minä.

- Advokat, vastasi Istvan arvokkaasti. Hän oli jo oppinut muutaman sanan ruotsia. Luokka tuntui kovin hiljaiselta tämän muuttolinnun lähdettyä.

<http://www.saunalahti.fi/venluska/>

Gand Prix

Anita Tiikasalo, «Istvan»

Перевод:
А. Токарев,
В. Кириллова:
III курс, 7 фин.гр. р/о.

Сэм за семерых

Однажды осенью к нам в третий класс пришел новенький. Его звали Сэм.

- Сегодня, ребята, в нашу дружную компанию вольются новые силы! – бодро сказала я своим ученикам в самом начале занятия и представила новичка: Сэм. Некоторые ребята с непонимающим видом завертелись на местах, недоумевая: а где еще шестеро? Но когда недоразумение прояснилось, все дружно уставились на новоприбывшего мальчугана, точно на заморскую птицу: девочки не желали скрывать радости, мальчики не могли скрыть удивления.

Новенький стоял перед доской, как на сцене: каждая пара глаз, синих или пепельно-серых, была устремлена на Сэма. А каков же был он сам? А он был великолепен: истинный, чистокровный мадьяр. Его профиль напоминал греческое божество, его кожа лучилась, будто спелая оливка на южном солнце, а карие глаза были точь-в-точь как настоящий фазеровский горький шоколад.

Стоит сказать, что финские мальчуганы во время перемены носятся по школьному двору, который строители еще не привели в порядок, да прыгают через камни и

невыкорчеванные пни. Поэтому ничего удивительного в том, что их кроссовки вечно в глине. Джинсы наших ребят или слишком велики, или слишком малы (все зависит от возраста брюк!). Ну, а вид свитера подскажет наверняка, кто ушел из дома раньше: ребенок в школу или его мама – на работу? Прибавьте к этому вечно растрёпанные волосы – и перед вами типичный финский школьник.

О, Сэм был другой. Его густые волосы сияли. На нем были роскошные кожаные туфли и искусно связанный свитер. Брендные джинсы, казалось, явились прямо со страниц глянцевого журнала мод. Глаза мальчика лучились: очевидно, он желал познакомиться буквально со всеми нами.

- Ребята, сейчас мы идем на физкультуру, возьмите Сэма с собой, чтобы он не заблудился! – сказала я своим третьекласскам. Заблудиться было немудрено: в нашем спортзале все никак не кончался ремонт (сейчас там как раз покрывали пол лаком), и мы шли на пробежку в близлежащий лесок, который начинался сразу за школьным двором.

Я повела за собой вереницу девочек, мальчики побежали за нами. Как и следовало предположить, мы пришли первыми и стали дожидаться мальчишек: сначала мы услышали их гвалт, а затем только увидели тех, кто его устроил. Ну, разве можно было ожидать чего-то иного от этих проказников? Щеки горели, а глаза сияли озорным огнем: пока мы шли к беговым дорожкам, мальчики успели сбегать до помойки и вернуться обратно!

Сэм брел последним. И вот он, наконец, стоит предо мной. В глазах его – одновременно! - восторг и ужас. Он смог произнести всего два слова по-фински:

- Я - всё!

Его красивые туфли в грязи, а к свитеру прилип репей. Что ж, установку дружеских отношений с финскими одноклассниками стоило признать состоявшейся.

Унывать было не характерно для Сэма, но в следующие дни он оставался рядом со мной, когда мне приходилось дежурить в коридорах на перемене. Вокруг нас толпились девочки, и Сэм, ни на йоту не изменяя своему всегдашнему обаянию, ласково и проникновенно отвечал на все попытки юных дам завести с ним беседу:

- Пасть свою закрой!

Чувствовалось, что он предпочитает заводить знакомства в более спокойной обстановке, нежели та, что царит у нас в школе на переменах.

Хоть Сэм и прожил только три месяца на своей новой родине, язык давался ему легко – он был необычайно одаренным в лингвистическом отношении мальчиком. Поэтому уроки чтения стали самыми любимыми для него – это были индивидуальные занятия, на которых Сэм просто купался во внимании, которого ему так не хватало.

И вот однажды на уроке чтения я рассказывала ребятам, что такое рифма, и мы называли рифмующиеся слова: ёлка, пчёлка, тёлка. Вдруг лицо Сэма просветлело, и он радостно заявил:

- Моя мама как раз знает одну тёлку!

Пришлось объяснить Сэму, что тёлка – это корова, которая родила телёнка, то есть отелилась, и маловероятно, что его мама водит знакомство с таким животным. Сэм был удивлен и заинтересован новыми лингвистическими перспективами:

- А-а-а, и такой смысл у этого слова есть...

Мама Сэма работала официанткой в ночном клубе конгресс-отеля и была не менее колоритной фигурой, чем ее сын. Так, она хотела, чтобы Сэма освободили от уроков основ религии. Я спросила: может быть, мальчика стоит отправлять домой на время этих занятий, ведь дом совсем неподалеку? Мать пришла в ужас от такой перспективы: «Нет, нет, нет! Я ночью - работать, днем – спать хотеть! Вы - садить его в уголок, дать раскраску про Дональд Дак, пусть малевать!»

Ну и темперамент у обоих был, прямо скажем, взрывной. Мать Сэма однажды выдрала в гневе страницу из учебника по математике, когда не смогла помочь сыну

решить задачу: нет задачки – нет проблем! А мальчик, выдавливая последние капли горчицы из уже почти пустого тюбика, имел обыкновение грозно шипеть: «Ну, горчица, погоди!»

Но прошло время, и то обожание, с которым встретили Сэма у нас в школе, пошло на убыль. Стоило ли удивляться: Сэм был, конечно, необычайно обаятельный малый, но при этом – ужасно надоедливый: он требовал и получал внимания, казалось, больше, чем все остальные школьники.

Вместе взятые.

Ну кому такое может понравиться? Казалось, в нашем классе было слишком много эмоций, как бывает слишком много перца в самом-самом жгучем соусе. Но, стоит признаться, скучно не было: никому и никогда.

В пятом классе Сэм уже без ошибок писал по-фински и, кроме того, у него был самый красивый почерк в классе. Той весной как раз подошла очередь нашего класса организовать праздник Калевалы: нам удалось уломать Сэма стать ведущим, ведь он уже прекрасно говорил на финском языке с трогательным легчайшим иностранным акцентом. И когда все остальные ребята зачитывали руны нашего национального эпоса, Сэм с идеальным выражением читал те же самые стихи Калевалы – только на венгерском языке. Смелость задумки – и успех этого предприятия! – повысили самооценку подростка, а также увеличили его популярность и авторитет среди других ребят.

Но, увы, финн из мадьяра не вышел. Весной его мать объявила, что получила новую работу – в Стокгольме. Финский отчим Сэма работал дальнобойщиком и водил свой грузовик по дорогам Северной Европы. Швеция очень удобно располагалась на пересечении его маршрутов, и таким образом мама и отчим могли бы видеться гораздо чаще, чем сейчас.

Однажды осенью Сэм заскочил к нам в школу. Он, казалось, совсем не изменился.

- Кем ты будешь там, в Швеции? – спросила я Сэма.

- Адвокатом – гордо ответил мальчик. Он уже знал несколько слов по-шведски.

Наш класс надолго притих после отлета этой заморской птички.

Первая премия

Анита Тиикасало

Денеш¹

Перевод с финского языка: Павлова, Шапиро

Одним осенним утром в третий класс пришел новый ученик.

- Денеш, - представила я его одноклассникам в начале урока. Некоторые ученики поздоровались, решив, что я сказала "добрый день". Затем, заметив новенького, они уставились на него, как на заморскую птицу, девочки с восхищением, мальчики ошеломленно.

Стоя под прицелом двадцати пар синих и серых глаз, Денеш являл собой образец чистокровного мадьяра: профиль, как на изображениях древнегреческих богов, молочно-белая кожа, глаза цвета темного шоколада "Фазер".

Финские мальчишки всю прошлую перемену носились по недостроенному школьному двору, перепрыгивая через камни и пеньки. Их кроссовки были покрыты глиной, джинсы одним были велики, другим малы, в зависимости от того, как давно они были куплены. Свитера красноречиво свидетельствовали о том, что мама ушла на работу раньше, чем сын в школу. Волосы у них торчали во все стороны.

Густые черные волосы Денеша блестели. На нем были кожаные ботинки и вязаный свитер с узором. Фирменные брюки как будто сошли с обложки модного журнала. Глаза излучали тепло. Ему определенно не терпелось познакомиться с одноклассниками.

- На уроке физкультуры мы пойдем бегать в лес, потому что в зале красят полы, - объявила я. - Возьмите Денеша к себе, мальчики, и смотрите, чтобы он не потерялся.

Лес начинался сразу за школьным двором, а в лесу была проложена насыпная дорожка. Девочки потянулись за мной гуськом, за ними гурьбой бежали мальчики. Девочки прибежали первыми. Мальчиков сначала даже не было видно; потом они показались, самые шумные впереди всех. Раскрасневшиеся щеки и озорной блеск в глазах выдавали причину задержки: они забежали дальше скалы, до самой свалки.

Денеш пришел последним. Наконец и он стоял передо мной. В его глазах читались ужас и разочарование. Он выдал из себя два слова по-фински:

- Сейчас сдохну.

Красивые ботинки больше не блестели. Брюки и узорчатый свитер были усеяны репейником. Финские одноклассники "наладили контакт" с новичком.

Этот случай не сломил дух гордого мадьяра, но в последующие дни он все время крутился около меня на переменах, когда я была дежурным учителем. "Варежку закрой!" -

---

¹ Название оригинального произведения -«Istvan».

дружелюбно советовал он стайке девочек, которые, галдя, толпились вокруг. Он не хотел, чтобы из-за него поднимали столько шума.

Денеш провел на новой родине только три месяца, но у него были исключительные способности к языкам. С особым интересом он посещал уроки чтения, поскольку они были индивидуальными, и там ему доставалось все внимание, которого ему так не хватало.

Однажды на уроке чтения разбирались слова парилка, пастилка и подстилка. Денеш просветлел:

- У моей мамы одна знакомая подстилка, - вспомнил он. Учитель объяснил, что подстилка - это то, на чем спят животные в хлеву, в ответ на что он заинтересованно протянул:
- А-а, и это тоже...

Мать же Денеша работала официанткой в ночном баре одного отеля и была такой же яркой личностью, как и ее сын. Она хотела освободить Денеша от уроков религии. Я спросила, не отправлять ли его домой на это время, потому что они жили совсем рядом со школой. Мать запротестовала: «Нет, нет, я работать ночью, днем хотеть спать. Сади его в угол класса на это время, дай ему Дональд Дака, пусть раскрашивать».

У них обоих был чудовищный характер. Мать в раздражении вырвала страницу из учебника по математике, когда не смогла помочь сыну справиться с задачкой. Мальчик сидел в школьной столовой и яростно выдавливал из закончившегося тюбика горчицу, чтобы сделать гороховый суп повкуснее, и шипел: «Ну же, швинья, вылезай!»

Восторг, с которым его принял класс в начале, вскоре уменьшился. Денеш был настолько же обаятельным, насколько утомительным, и требовал и получал больше внимания, чем все остальные, вместе взятые. Кому же это понравится. В супе класса переборщили со специями - с острым перцем, может быть? Но зато никогда не было скучно.

В пятом классе Денеш уже писал по-фински без ошибок и у него был самый красивый почерк. Весной нашему классу пришел черед организовывать праздник Калевалы для всей школы. Денеш в конце концов согласился быть ведущим. Он говорил по-фински с очаровательным иностранным акцентом. Когда другие декламировали руны национального эпоса, Денеш бегло зачитывал соответствующие строки по-венгерски. Такое смелое поведение и такой успех подняли как самооценку подростка, так и его статус в глазах остальных.

Но из венгра никогда не вышло настоящего финна. Весной мать объявила, что получила место официантки в Стокгольме. Ее муж, отчим Денеша, ездил дальнобойщиком по Дании, Норвегии и Швеции. Швеция располагалась удобным образом посередине. Так они могли чаще встречаться.

Как-то осенью мальчик забежал в школу, чтобы еще раз встретиться с бывшими одноклассниками. Он совсем не изменился. «Кем ты будешь в Швеции?», - спросил я. «Адвокатом», - ответил Денеш с достоинством. Он уже выучил несколько шведских слов. Птица улетела в дальние страны, и класс без нее казался тихим.